

КЪ ИСТОРИИ РУССКАГО ПРАВОВѢДѢНІЯ. ¹⁾

20.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій Другъ!
Михаилъ Владиміровичъ!

Спѣшу извѣститъ Васъ о томъ, что мы наконецъ отъѣзжаемъ, скачемъ, летимъ!—однакожь еще не въ сію минуту,—нѣтъ, 11-го въ среду: это уже несомнѣнно. Теперь мы прощаемся съ Петербургомъ и живущими въ немъ, хотя-правду сказать—прощаться по настоящему мнѣ здѣсь почти не съ кѣмъ, и я почти съ радостью могу себѣ сказать, отъѣзжая, что здѣсь—

Мнѣ было некого терять,

Мнѣ было не съ кѣмъ разставаться!!

И такъ я прощаюсь съ Вами и со всѣми моими друзьями, поднимаюсь повыше, что бы еще разъ издалека взглянуть на Васъ (положимъ на дилижансъ), въ послѣдній маху Вамъ шляпою—видите ли? Извозчикъ готовъ ударить по лошадамъ—нѣтъ, стойте! еще скажемъ нѣсколько словъ.

Намъ назначено жалованье, по 700 талеровъ въ годъ, это значитъ около 2500 р., и говорятъ, что очень довольно. Тутъ же включается и гонорарій (профессорамъ. (Они не берутъ платы (merces), а только honorarium!) Срокъ — два года, не болѣе. Намъ поручаютъ профессору знаменитому, Савиньи ²⁾, кой и членъ Государственнаго Совѣта въ Берлинѣ, и дру-

¹⁾ Продолженіе. См. октябрскую книжку Богословскаго Вѣстника, стр. 302—317.

²⁾ Знаменитый нѣмецкій юристъ. Род. 1779 г., сконч. 1861. Ему принадлежитъ введеніе въ науку Права новаго такъ называемаго историческаго направленія.

тому: Кленце ¹⁾; разумѣется мы будемъ также подъ начальствомъ нашего посланника Алопеуса ²⁾. Въ Берлинѣ — не болѣе 1½ года, остальные полгода на путешествіе далѣе, и—въ Парижъ, гдѣ мы должны познакомиться съ образомъ тамошняго судопроизводства, лучшаго—говорятъ—во всемъ свѣтѣ.—Отсюда ѣдемъ въ дилижансѣ, который до Берлина перемѣнится только три раза—чегоже спокойнѣе? За дилижансѣ, *который займемъ* мы 7 человекъ одни, около 1700 р., и по 100 р. на пут. содержаніе. Говорятъ, доѣдемъ въ двѣ недѣли. 7/19 октября начнутся лекціи въ Университетѣ Берлинскомъ.—Думаю, что въ нашей Академіи происходитъ не малая суматоха, если не кончилась уже—по случаю новаго требованія студентовъ—мы успѣли имъ очистить мѣсто. А видно ужь кому-нибудь изъ Вашихъ знакомцевъ будетъ улетѣть. Впрочемъ нѣтъ кажется нужды отдѣлять всѣхъ троихъ съ самого начала. Только нужно особенно знаніе языковъ—новѣйшихъ и латинскаго. Знающему будетъ легко. Оставляемъ имъ и книжки, съ коими мы возились здѣсь. Изъ здѣшней Академіи уже назначены: въ томъ числѣ одинъ мой землякъ.—Еще новость: въ этомъ же или слѣдующемъ мѣсяцѣ составитъ Комитетъ—по волѣ Государя—изъ духовныхъ и, можетъ быть, свѣтскихъ особъ для собранія и приведенія въ порядокъ законовъ Церковныхъ.—Вы спросите: не постоянно ли такимъ образомъ будутъ требовать изъ Академіи для образованія въ Юриспруденціи?—Богъ знаетъ: по крайней мѣрѣ теперь Государь изъявилъ свою волю только объ единовременномъ требованіи, на сей разъ. Вчера были мы на обѣдѣ у Михаила Михайловича ³⁾ для

¹⁾ Нѣмецкій юристъ, род. 1795 г., ск. 1838 г

²⁾ Графъ Давидъ Максимовичъ, род. въ 1769 г въ Выборгѣ, по окончаніи курса въ штутгартской военной школѣ выступилъ на дипломатическое поприще Состоялъ рус. посланникомъ при дворѣ шведскаго короля Густава IV, по приказу котораго былъ въ 1808 г., когда русскія войска вступили въ Финляндію, арестованъ по обвиненію въ мнимыхъ попыткахъ подкуна шведской арміи По заключеніи мира со Швеціей (1809 г.), Алопеусъ получилъ постъ посланника при Вюртембергскомъ дворѣ, затѣмъ—генеральнаго комисара при союзной арміи, а также на короткое время—военнаго губернатора Лотарингіи и, наконецъ, назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, каковымъ и оставался до своей смерти, послѣдовавшей въ 1831 г

³⁾ Сперанскій

прощанія, (хотя онъ хотѣлъ еще завтра проститься съ нами окончательно) тутъ собраны были и всѣ насъ обучавшіе главнымъ предметамъ. Здѣсь, кажется, забыть быть членъ Государственнаго Совѣта, Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ и пр. и пр., оставался только мужъ ученый, патриотъ, и добрый хозяинъ. Натурально—говорили по большей части объ ученыхъ предметахъ. Между прочимъ слышалъ я тутъ отъ Михаила Михайловича, что о. Іакинѣвъ ¹⁾ будетъ профессоромъ Китайскаго языка при Университетѣ, по преобразованіи его. Извѣстно, что предположено учредить при ономъ 12-ть кафедръ по восточнымъ языкамъ (не мало ли!) и одни только обучающіеся смѣя языкамъ будутъ (въ здѣшнемъ Университетѣ) на казенномъ коштѣ—болѣе никого. Михаилъ Михайловичъ беретъ, кажется, во всемъ этомъ — по части просвѣщенія—большое участіе. Слышно было, можетъ быть, и у васъ, о неумѣстной и мелочной строгости и т. п., введенной въ Педагогическомъ Институтѣ—всѣ наэто жаловались; слухи дошли до Михаила Михайловича и онъ—какъ самъ сказывалъ намъ—принялъ самъ мѣры для исправленія этого (разумѣется, какія могъ,—не имѣя никакого непосредственнаго вліянія на эту часть).—Но Вы конечно хотите знать что нибудь, или даже многое о новостяхъ военныхъ, заграничныхъ. Ничего болѣе навѣрное не знаемъ, кромѣ того, что идутъ переговоры о мирѣ ²⁾. Слухи прибавляютъ къ этому всеобщій бунтъ народа въ Константинополь противъ Султана, который будто и заставилъ его просить мира, что очень вѣроятно. Въ первыхъ числахъ разнеслись здѣсь повсюду слухи о взятіи Константинополя, но правда, кажется, только то, что передовые отряды наши являлись даже въ виду сей столицы. Паскевичъ все идетъ впередъ. Наконецъ скажу о себѣ, что видѣлъ я здѣсь и Хозрева-Мирзу ³⁾—въ театрѣ, на представленіи Жизни игрока. Онъ отправляется отсюда 18-го сего мѣсяца.—На сей разъ болѣе сказать нечего; желаю Вамъ быть спокойными и довольными;

1) Извѣстный Іакинѣвъ Бичуринъ (1777—1853).

2) Россія въ то время вела войну съ Турціей.

3) Хозревъ—Мирза—внукъ персидскаго шаха, приславшійся послѣднимъ въ Петербургъ просить императора предать забвенію Тегеранское происшествіе.

а Вы пожелайте счастливаго пути Васъ почитающему и любящему

Василію Знаменскому.

9-го сентября.

1829-го г.

21.

Ваше Сіятельство!

Михаиль Владиміровичъ!

Имѣвъ твердость проститься безслезно съ вами, съ вами, съ которымъ разлука долженствовала стоить весьма дорого для моего сердца, искренно васъ любящаго, я дорогою ѣхаль довольно спокойно, обращая въ милыхъ своихъ то любезныхъ товарищей, то васъ. Приѣхавъ въ Дмитровъ нашель родителей довольно спокойными и, употребивъ день на прощаніе съ родственниками и знаемыми, отправился въ Москву. Родители заплатили нѣсколькими слезами дань своей ко мнѣ любви и провожали меня за Дмитровъ съ полверсты съ довольнонымъ великодушіемъ.

По приѣздѣ въ Москву являлись къ митрополиту ¹⁾ и, когда на вопросъ его намъ: есть ли у насъ какія бумаги отъ Академіи, мы отвѣчали, что имѣемъ одни только аттестаты, билеты и бумагу къ Военному Губернатору: велѣлъ намъ идти, куда хотимъ—и мы, едва схвативъ благословеніе его, пошли во свояси. Я теперь довольно спокоенъ и веселъ. Кланяюсь до земли всѣмъ вашимъ. Прощайте. Вашъ

И. Платоновъ.

1829 года

Сент. 21 дня.

Москва.

И я простившійся съ Вами, какъ знаете, въ домѣ родителей успокоившійся, въ домѣ Архіерейскомъ нерѣшенный, живя весело и здорово, также кланяюсь Вамъ, Ваше Сіятельство, и всѣмъ Вашимъ и желаю всего добраго.

Я. Баршевъ.

Р. S. Сердечно благодарю за Ваше участіе въ нашемъ жребіи, по которому Вы такъ скоро и такъ непрестанно желаете знать наши дѣла.

¹⁾ Извѣстный Филаретъ Дроздовъ

Примите искреннее увѣреніе во всегдашнемъ почтеніи и уваженіи душевно вамъ преданнаго

Сергѣя Баршсва.

22.

Любезнѣйшій Другъ!

Михаилъ Владиміровичъ!

Мы въ Берлинѣ!—Ѣхали, ѣхали — наконецъ пріѣхали, и, слава Богу! благополучно. Впрочемъ путешествіе наше было не очень продолжительно; мы выѣхали изъ С.-Петербурга 10-го сент. на ночь, пріѣхали сюда 26-го рано по утру; слѣд. ѣхали всего 15 дней, но въ томъ числѣ не менѣе 5-ти дней употреблено на остановку и отдыхъ въ разныхъ городахъ, какъ то, Дерптѣ, Ригѣ, Митавѣ, Мемелѣ, Кенигсбергѣ. Дорога наша составляетъ около 1500,—около 800 до границы и 700 отъ границы до Берлина. Видѣли въ дорогѣ довольно и хорошаго и худого, но для описанія всего не одно письмо было бы нужно. Отъ С.-Петербурга до границы ѣхали въ одномъ дилижансѣ или точнѣе, экстра—дилижансѣ, которой для насъ былъ нанятъ особенно, и коимъ мы могли располагать, вразсужденіи остановокъ, не подчиняясь обыкновеннымъ законамъ дилижансовъ. На этой дорогѣ видѣли: Нарвскій водопадъ,—въ Дерптѣ—Университетъ со всѣми принадлежащими къ нему строеніями, съ кабинетами, бібліотекою, и пр. Далѣе осмотрѣли хорошо Ригу (въ коей жили двое почти сутки)—городъ, построенный совсѣмъ на особенный, т. е. на старинный нѣмецкій манеръ,—весь изъ каменныхъ строеній и довольно красивыхъ, но сдвинутыхъ чрезвычайно тѣсно, съ улицами узкими (отъ 4 до 7 саж. ширины), темными, кривыми и перепутанными; въ Митавѣ видѣли много жидовъ, много неопрятности, впрочемъ ничего замѣчательнаго, кромѣ замка или дворца герцоговъ Курляндскихъ. Дорога между Дерптомъ и Ригою, по причинѣ глубокихъ песковъ, такъ дурна, что 10 лошадей едва могли тащить нашъ дилижансѣ, и часто совсѣмъ останавливались. Въ Ригѣ—забылъ сказать — принялъ насъ очень хорошо тамошній прокуроръ, отецъ нашего Петерсена ¹⁾ (который съ нами вмѣстѣ ѣхалъ);

¹⁾ Вышеупоминавшійся студентъ дерптскаго университета, который былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ студентами Академіи нарочито для практическихъ упражненій послѣднихъ въ нѣмецкомъ языкѣ.

у него мы обѣдали и ужинали, сверхъ того онъ доставилъ намъ билеты въ театръ, гдѣ видѣли мы какую-то комическую оперу, въ коей много смѣшнаго и много безвкуснаго, и пр. 20-го сент. (2-го окт. по здѣшн.) по утру вступили мы на Прусскую землю. Отъ границы до Кенигсберга ѣхали на перекладныхъ, и съ безпокойствами кой-какими. Кенигсберга не успѣли посмотреть порядочно, впрочемъ могу сказать то, что въ немъ есть много огромныхъ строеній, много красивыхъ, но много безобразныхъ,—есть улицы хорошія, но гораздо болѣе узкихъ, темныхъ, кривыхъ, грязныхъ, какія въ нѣмецкихъ городахъ, особенно старинныхъ, во вкусѣ; и я почти не жалѣю, что мало видѣлъ Кенигсбергъ. — Отъ Кенигсберга до Берлина опять ѣхали въ дилижансѣ,—340 верстъ (77½ миль) проѣхали въ трои сутки. Замѣчательна точность, съ какою назначены часы и минуты для каждой остановки, для завтрака, обѣда, ужина, кои бываютъ на извѣстныхъ, всегда однихъ и тѣхъ-же станціяхъ. Это путешествіе было очень пріятно: дорога отъ Кенигсберга до Берлина—вся шоссе, отдѣлана прекрасно; виды около дороги также по большей части прекрасныя, и тѣмъ лучше, чѣмъ ближе къ Берлину. На этой дорогѣ весьма много встрѣчается городковъ, большею частью мелкихъ; между большими достойнѣйшія замѣчанія Эльбингъ,—въ коемъ мы къ сожалѣнію были ночью и только ужинали,—городъ прекрасно отстроенный, съ огромными зданіями, съ широкими прямыми улицами, и пр. Исключая еще одинъ или два города, все прочіе мелкіе городки почти на одинъ манеръ, походятъ на большія нѣмецкія деревни; за то деревни на оборотъ походятъ на городское строеніе, и вотъ по чему. Вы не увидите здѣсь деревянныхъ строеній, а вездѣ какія-то полукаменные, сложенные изъ кирпича, наложеннаго между перекрещенными деревянными брусьями; кирпичъ прикрытъ штукатуркою, а дерево краскою, большею частію красною; такимъ образомъ вездѣ—въ городкахъ и деревняхъ, видишь только такіе крещатые домики; и городокъ представляетъ только собраніе такихъ домиковъ, съ ихъ огородами, или садиками, около каждаго изъ нихъ расположенными. Это только окрашиваетъ ихъ; самое строеніе совсѣмъ не красиво. Но объ этомъ уже слишкомъ.—Какъ-бы это ни было, только мы пріѣхали въ Берлинъ; остановились въ гостин-

ищѣ; но какъ тутъ содержаніе очень дорого, то успѣшили найти квартиры, и нашли ихъ, правда, въ тотъ же день, но скоро нѣкоторые перемѣнили, и я перемѣняю свою съ концемъ этого мѣсяца—по разнымъ причинамъ. Здѣсь нельзя иначе нанять квартиру, какъ съ мебелью, по большей части прекрасною, при ней готова пышная постель, прислуга (кромѣ чищенья сапогъ и платья), но за все это надобно платить очень не дешево; напр. я плачу за новую квартиру 6 талеровъ въ мѣсяцъ (талеръ—360 коп.), другіе—около того же (мы всѣ наняли особыя квартиры—по одной комнаткѣ). Прочія вещи по большей части стольже дороги, какъ въ Петербургѣ, или дороже; но сукно дешевле, а потому сшить платье изъ сукна стоитъ здѣсь дешевле по крайней мѣрѣ третью противъ С. П. Б. Дешевы также часы. Но вотъ еще чему подивитесь: мы обѣдаемъ въ рестораціи (такъ какъ и всѣ квартирующіе обыкновенно имѣютъ здѣсь столъ въ рестораціяхъ или трактирахъ), платя въ мѣсяцъ за обѣдъ 3¹/₂ талера (12 р. 40 коп.)—по 42 к. за обѣдъ, состоящій изъ супа, соуса и жаркаго, кои, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажутся довольно хороши. Вмѣсто ужина довольствуемся булкой съ чаемъ, или буттеръ-бродомъ.—Но я еще не сказалъ о томъ, какъ насъ приняли. Приняли очень обыкновенно: представились посланнику, представились Савиньи, коему мы поручены отъ Михаила Михайловича. Первый поговорилъ немного, рекомендовалъ особенно осторожность въ поведеніи и обращеніи и экономію въ издержкахъ; отъ него будемъ мы получать жалованье, и на первый разъ получили по 100 тал., а впередъ всякій разъ, когда будетъ нужда въ деньгахъ, должны относиться къ нему (что вышло противъ нашего ожиданія и вопреки обѣщанію Михаила Михайловича, кой сказалъ, что на первый разъ будетъ намъ выдано полугодичное жалованье, т. е. по 350 тал.). Савиньи здѣлалъ намъ нѣкоторые вопросы по Римскому праву на нѣмецкомъ языкѣ; поговорилъ еще кой-что. По его распоряженію въ первый сей семестръ будемъ мы слушать 1) *Encyclopädie d. positiv. Rechts* и 2) *Institutionen nnd Antioquitäten d. röm. Rechts*—у Кленце; 3) Статистику Прусс. у Гофмана ¹⁾, 4) Химію експерим., 6) Всеобщ. физич. Географію (которая

¹⁾ Иоаннъ-Готтфридъ Гофманъ-политико-экономъ (1765—1847)

преподается здѣсь совершенно новымъ и особ. образомъ) и Географію Палестины (!!) у Риттера ¹⁾. (Предметы, кои мы должны проходить здѣсь—въ Берлинѣ, изчислены Михаиломъ Михайловичемъ. Отъ Савиньи зависѣло только распредѣленіе ихъ по времени, выборъ профессоровъ и т. п.). За сей семестръ за лекціи заплатили мы около 100 руб. съ человѣка. Лекціи начнутся еще въ концѣ октября (по новому стилю).—На сей разъ пора кончить. Не забывайте живущаго на чужбинѣ, но стольже Вамъ преданнаго
Василія Знаменскаго.

11—23 окт. 1829 года.

23.

Любезнѣйшій другъ!
Михаилъ Владиміровичъ!

Прежде всего и паче всего считаю нужнымъ извиниться предъ вами въ долговременномъ молчаніи. Прошу васъ не прінять его за опытъ охлажденія моей любви къ вамъ: нѣтъ! я доселѣ не писалъ къ вамъ ни строки потому, что вы могли узнать о состояніи нашемъ частію изъ моего письма къ брату, которое, я думаю, вы и читали и въ которомъ видѣли свидѣтельство моего къ вамъ почитанія, частію изъ письма Якова Ивановича и Сергѣя Ивановича Баршевыхъ къ товарищамъ и къ Ивану Николаевичу ²⁾. Почему я не стану вамъ описывать ни моего седмидневнаго пребыванія пли, лучше, гощенія въ Москвѣ, о которомъ я нѣсколько извѣщалъ васъ оттолѣ, ни моей поѣздки, хотя, впрочемъ, довольно знаменательной, по пышности брычки и помедленности ѣзды, ни нашего явленія къ Балугьянскому, осыпавшему насъ на первый разъ латынью, ни той аудиенціи, которую сдѣлалъ намъ М. М. Сперанскій, ни образа нашей осѣдлости въ Университетѣ и пр. и пр. Потому что все сіе подробно описано въ писанныхъ нами въ Академію письмахъ. Но не знаю, и можно ли что представить вамъ новаго изъ перспективы фактовъ, образующихъ нашу судьбу; ибо она таже, коеи изображеніе видѣли и въ письмахъ В.

¹⁾ Карлъ Риттеръ (1779—1859)—величайшій географъ новаго времени

²⁾ И. Н. Богоявленскій, магистръ V к. М. Академіи; въ 1827—1833 г. состоялъ боккалавромъ въ той же Академіи. Ск. въ 1850 г.

Потаповича и Константина Алексѣевича. Также, какъ и у предшественниковъ нашихъ, мѣсто занятія нашего двойное: Университетъ и канцелярія, изъ коихъ въ первомъ слушаемъ лекціи по Римскому Праву по руководству Гейнеція у г-на Шнейдера ¹⁾, переводимъ Софокла съ греческаго на латинскій у г-на Греффе ²⁾, учимся нѣмецкому и французскому языкамъ первому у Польнера ³⁾, а второму у Поллока ⁴⁾, а въ послѣднемъ (въ канцеляріи) слушаемъ лекціи по части російскаго правовѣдѣнія у г-на Куницына ⁵⁾; по части народной экономіи—у г-на Плисова ⁶⁾; по части російскаго публичнаго Права у г-на Клокова ⁷⁾; только Статистику и Исторію, кажется, предоставлено намъ самимъ по себѣ заниматься. Также какъ предшественники наши, должны каждодневно посвящать полчаса на хожденіе въ канце-

1) Василій Васильевичъ, родъ въ 1793 г. сконч. 1872; воспитывался въ Москов. Университетѣ, по окончаніи курса получилъ въ 1822 г. кафедру Римскаго права въ Петербур. Универс. которую занималъ до 1861

2) Теодоръ Богдановичъ Грефе, родомъ саксонецъ, род. въ 1780 г.; въ 1810 г. былъ приглашенъ въ Александро-Невскую и Академію преподавателемъ греческаго языка, въ 1811 г. поступилъ преподавателемъ латинской словесности въ Педагогическій Институтъ, а въ 1814 г. переведенъ на кафедру греческой словесности, каковую продолжалъ занимать и по преобразованіи Педог. Инст. въ Университетъ. Грефе пользовался большою извѣстностію ученаго филолога. Сконч. въ 1851 г.

3) Иванъ Яковлевичъ Польнеръ, родомъ прусакъ, состоявшій лекторомъ нѣмецкаго языка въ Петерб. Универс. до 1835 г.

4) Сконч. въ 1832 г.

5) Выше упоминавшійся.

6) Моисей Гордѣевичъ (1782—1853), воспитанникъ Полтавской семинаріи и Педагогич. Инст.; слушалъ лекціи въ заграничныхъ университетахъ. Отличаясь твердымъ и благороднымъ характеромъ, Плисовъ долженъ былъ оставить университетъ въ 1822 г., во время господствовавшего вліянія Магницкаго и Рунича, и поступилъ на службу во II отдѣленіе Собств. Е. В. Канцеляріи.

7) Валеріанъ Емельяновичъ (1795—1843), образованіе получилъ въ главн. Педагог. Институтѣ. Въ 1816—1825 г. преподавалъ въ горномъ корпусѣ законовѣдѣніе и науку государственн. хозяйства. Въ 1826 г. переведенъ во II-е отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ Сперанскаго и принималъ дѣятельное участіе въ составленіи свода Законовъ. Въ 1836 г. перешелъ въ V-е отд. С. Е. В. Канцел., основанное съ цѣлью полнаго преобразованія управления государ. имуществъ; здѣсь ему принадлежала также очень видная дѣятель-

лярію; также должны улыбаться слушая красноглаголиваго и растворяющаго пріятными анекдотами свои лекціи упомянутаго Куницына; также должны преимущественно заниматься нѣмецкимъ языкомъ и пр. Такъ состояніе наше во всемъ согласуетъ съ состояніемъ нашихъ предтечей! Но можетъ быть тоже ожидается насъ и въ Берлинѣ, что и они сръѣтили; таже имматрикуляція, требующая большаго терпѣнія и многотрудныхъ походовъ; таже стояніе на разныхъ квартирахъ. Ибо мы узнали кое-что о предметникахъ нашихъ изъ письма Алексѣя Андреевича ¹⁾ къ нѣкому законоучителю здѣшняго коммерческаго училища; именно, что они приѣхавъ въ Берлинъ, должны были *immatriculiren sich lassen* (такъ пишетъ Алексѣй Андреевичъ) т. е. вписаться въ число студентовъ; для чего потребно выдержать у всѣхъ профессоровъ экзаменъ по ихъ предметамъ; и здѣсь-то потребны, по словамъ А. А. ноги и терпѣніе; что лекціи ихъ уже начались и что они стоятъ на различныхъ квартирахъ.—Вотъ все, что можно было узнать изъ письма его! Надѣмся получить подробнѣйшее свѣдѣніе о состояніи предшественниковъ нашихъ изъ письма Василя Потаповича и его товарища къ Наанаилу ²⁾ ректору Александровской семинаріи, писаннаго, говорятъ, на латинскомъ языкѣ.

Здѣсь появилось стихотвореніе, писанное Придворнымъ поэтомъ Мирзы ³⁾ въ честь Его Императорскаго Величества Николая Павловича. Какая выпренность! Какая пышность! или не знаю, не лучше ли, какая надутость! Здѣсь видишь побѣдоноснаго Императора повелѣвающимъ солнцемъ и луною, а прочихъ государей исчезающихъ во прахѣ ничтожества; здѣсь Паскевичъ является во всемъ величїи и славѣ и пр. Но ахъ! пожалѣйте о судьбѣ сего поэта, изтощившаго, кажется, весь восточный запасъ живой и пламенной фантазіи своей на возвеличеніе похвалъ русскаго Императора! онъ получилъ отъ жестокаго Мирзы здѣсь ты

¹⁾ Благовѣщенскій, выше упоминавшійся

²⁾ Наанаилъ Павловскій, магистръ П. к. Петербур. Акад.; сконч. епископомъ Псковскимъ, въ 1849 г.

³⁾ Въ описываемое время въ Петербургѣ находился ввухъ персидскаго шаха Хозревъ-Мирза, который здѣсь и разумѣется.

сячу ударовъ по пятамъ, а въ Персеи долженъ потерять голову, сіе вмѣстилище своей поэзіи. Причина сему та, что онъ хотѣлъ здѣсь изъ огнепоклонника сдѣлаться христіаниномъ.

Позвольте теперь сообщить вамъ объясненіе мраморныхъ достоковъ паросскихъ, о которыхъ я спрашивалъ васъ по случаю чтенія примѣчаній французскаго перевода Превращеній Овидіевыхъ и которыя составляютъ столь драгоценный памятникъ для древней Исторіи. Это суть двѣ мраморныхъ плиты, найденныя графомъ de Gerandol (не знаю впрочемъ, не ошибаюсь ли нѣсколько въ имени; по крайней мѣрѣ оно весьма похоже) на островѣ Паросѣ, извѣстномъ своимъ мраморомъ, на которыхъ начертаны всѣ эпохи древности незапамятной съ опредѣленіемъ хронологіи. Первоначально сіи доски были привезены нашедшимъ ихъ графомъ въ Англію, гдѣ и доселѣ хранятся, какъ драгоценное сокровище; оттолѣ списки съ нихъ распространились и по всей просвѣщенной Европѣ; едвали и въ нашихъ журналахъ нѣтъ сказанія объ нихъ. Иначе они называются т. е. кромѣ *Les marbres de Paros—Planches de comte Gerandol*. Симъ свѣдѣніемъ я одолженъ моему дядюшкѣ—контролеру Кольчеву, о которомъ я нѣкогда и неоднократно говорилъ съ вами.—Болѣе писать нечего. За симъ, лаская себя надеждою получить отъ васъ отвѣтственное письмо, прошу Васъ, *s'il vous plait*, писать на французскомъ языкѣ. Ибо я, посѣщая дядюшку каждое воскресенье и слыша въ его домѣ отъ мала до велика говорящихъ по французски, чувствую самъ крайнюю необходимость въ знаніи сего языка и часто, часто сожалею, что не могъ воспользоваться дружественнымъ обращеніемъ съ вами для сего знанія, тогда какъ вы сами не только хотѣли, но и побуждали меня говорить съ вами по французски. Но кто знаетъ будущую мою судьбу? По крайней мѣрѣ теперь позвольте пользоваться письменнымъ собесѣдованіемъ для приобрѣтенія большихъ успѣховъ въ французскомъ языкѣ.

Вполнѣ преданный Вамъ
И. Платоновъ.

1829 года

Окт. 28.

Санкт-петербургъ.

24

Любезнѣйшій другъ мой ¹⁾!

Знаете это столь извѣстное изреченіе Горация:

. omne tulit punctum,
qui utili dulce miscuit.

Письмо ваше на французскомъ языкѣ, обращенное къ намъ,—одно изъ совершеннѣйшихъ произведеній, представляющее собою счастливое соединеніе пріятнаго съ полезнымъ. Я извлекъ изъ него безконечное наслажденіе и не малую долю пользы, благодаря тому, что изучаю французскій языкъ. Вслѣдствіе чего примите мою горячую благодарность за ваше посланіе, и смѣю надѣяться, что не откажетесь и впредь писать такого рода письма.

За симъ привѣтствую васъ съ новымъ годомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ всего сердца желалъ бы, чтобы всѣ ваши предположенія и намѣренія увѣнчались желаннымъ и блестящимъ успѣхомъ, чтобы полное благоденствіе сопровождало васъ на жизненномъ пути и чтобы вашъ другъ Платоновъ всегда торжествовалъ, взирая на ваши успѣхи во всемъ. Вотъ мои пожеланія вамъ съ наступленіемъ новаго года.

Я, слава Богу, чувствую себя прекрасно! Занятія наши по изученію права двигаются медленно, такъ какъ главный нашъ профессоръ Александръ Петровичъ Куницынъ ²⁾ сильно заболѣлъ. Происходитъ это частію также оттого, что остальные профессора (напр., Плисовъ ³⁾ проф. Политической Экономіи) трудятся надъ составленіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ русскихъ законовъ, съ цѣлью до новаго года представить ихъ на разсмотрѣніе и одобреніе Государю. Другіе профессора (между прочимъ М. Клоковъ ⁴⁾, проф. Народнаго Права) поглощены мечтаніями о женитьбѣ. Поэтому вы можете судить, что наше ученіе ограничивается только чтеніемъ дома книгъ, касающихся преимущественно главнаго предмета нашихъ научныхъ занятій. Надѣмся, что послѣ новаго года мы приступимъ и къ остальному. Представьте,

1) Подлинникъ этого, какъ и слѣдующаго письма Платонова, написанъ на французскомъ языкѣ

2) Выше упоминавшійся

3) Выше упоминавшійся

4) Выше упоминавшійся.

по сіе время мы не видѣли даже собранія русскихъ законовъ; вѣдь это однакожь необходимо для нашего изученія и стоитъ на первомъ планѣ; оно настолько же важно для насъ, какъ Священное Писаніе для богослова, относительно другихъ имъ изучаемыхъ наукъ. По немногу я составляю себѣ бібліотеку покупкой книгъ. Недавно приобрѣлъ отъ одного студента университетскаго всѣхъ классиковъ греческихъ въ переводѣ Мартынова за 30 руб.; мнѣ сдается—очень дешево. Вотъ все, что имѣю сообщить вамъ о настоящемъ своемъ положеніи. Когда въ праздничное время у насъ побываетъ Михаилъ Михайловичъ, я не премину вамъ написать, что имъ будетъ сказано, какъ о нашей судьбѣ, такъ и вообще обо всемъ.

Могу наконецъ передать вамъ еще новость, относящуюся къ преподаванію, но быть можетъ эти слухи уже дошли до васъ. Въ число предметовъ преподаванія въ здѣшнемъ университетѣ введена новая таблица счисления. Изобрѣтатель ея—командиръ московскаго полка Слободской. Поводомъ къ этому изобрѣтенію послужили поданные высшему начальству неправильные счеты, за которые послѣдовалъ строгій выговоръ. Слободскому это дало толчекъ, вслѣдствіе котораго онъ сдѣлался изобрѣтателемъ подходящаго снаряда для счетоводства. Долго онъ размышлялъ надъ нимъ, сожалѣлъ и въ концѣ концовъ пустилъ его въ ходъ. Не сумѣю вамъ описать наружное его устройство; но что дѣлаетъ это изобрѣтеніе безсмертнымъ—это легкость и неимовѣрная быстрота, съ которой можно считать самыя сложныя цифры, кромѣ логарифмовъ. Говорятъ, что это новая таблица введена будетъ въ употребленіе во всѣхъ школахъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Имѣю честь быть

Вашъ Иванъ Платоновъ.

1829 г.

23 декабря

С.-Петербургъ.

25.

Любезнѣйшій мой другъ!

Христосъ воскресъ!

Поздравляю васъ съ великимъ днемъ Воскресенія Христа и желаю вамъ провести этотъ торжественный празд-

никъ въ радости и веселіи какъ тѣлесномъ, такъ и душевномъ. Ибо я увѣренъ, что вы имѣете склонность ко всему божественному и духовному христіанской религіи и не принадлежите къ числу тѣхъ, на души которыхъ всѣ торжества и церемоніи церковныя не имѣютъ никакого дѣйствія, и которые остаются къ нимъ вполне равнодушными и холодными.

Полагаю, что мои ученицы ¹⁾ уже осилили одна русскую исторію, другая русскую грамматику, съ ея ненавистными падежами, непостижимыми родами, таинственными спряженіями и всѣми видоизмѣненіями, наполняющими грамматику; или онѣ теперь занимаются однимъ повтореніемъ пройденнаго. Въ какомъ-бы я былъ восторгѣ, узнавъ, что таблица умноженія болѣе не является въ глазахъ Людмиллы Павловны чѣмъ-то въ родѣ еврейскаго языка.

Вы спросите, какъ я себя чувствую? Отвѣчу: если вы прочли повѣданное мною Александру Родіоновичу ²⁾, гдѣ вся моя жизнь описана, то положеніе мое и по сегодняшній день ни чуть не измѣнилось.

Вотъ новость, волнующая умы петербургскихъ жителей. Въ государственномъ совѣтѣ поднять вопросъ объ уничиженіи въ Россіи чиновъ, доселѣ отличающихъ одного отъ другаго состоящихъ на службѣ. Я этимъ хочу сказать, что не будетъ ни статскихъ, ни надворныхъ, ни титулярныхъ совѣтниковъ и т. д., но всѣ должности и почетныя степени будутъ занимаемы сообразно съ достоинствами искателей какого либо сана или мѣста. Таковъ порядокъ въ Англіи, Франціи и другихъ цивилизованныхъ странахъ Европы, гдѣ чины давно не существуютъ. Судите сами, полезно ли оно и благодѣтельно-ли отзовется на Петербургѣ *variis variis*. Что касается меня, я смотрю на эту мѣру, какъ на очень важную и подходящую для внутренняго усовершенствованія нашего отечества. Она разбудитъ и воспламенитъ дѣятельность людей всякаго рода; она заставитъ пріобрѣтать всегда истинное усовершенствованіе для полученія мѣста болѣе почетнаго и доходнаго; она заставитъ каждаго дѣлать свое

¹⁾ Платоновъ, состоя студентомъ Академіи, былъ домашнимъ учителемъ у Толстыхъ.

²⁾ Выше упомянувшійся Сергіевскій.

дѣлю и исполнять свои обязанности рачительнѣе. Слышно, будто этотъ важный проектъ составленъ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ, что онъ уже утвержденъ Государемъ, уже печатается для обнародованія ко дню Пасхи.

Ходятъ также слухи, что Императоръ ѣдетъ въ Москву, гдѣ проживетъ три года. Говорятъ также, что намъ угрожаетъ отъѣздъ М. М. Сперанскаго на теплыя воды; путешествіе это предпринимается имъ для излеченія болѣзни и возстановленія силъ. Желательно, чтобы послѣдній слухъ не оправдался и оказался ложнымъ.

За симъ позвольте узнать, часто-ли теперь вы посѣщаете Академію? Читаете-ли тамъ газеты? Чью квартиру чаще посѣщаете? и т. д. Прощайте!

1830 г.
1 Апрѣля.

Имѣю удовольствіе быть
вашъ И. Платоновъ.

Берлинъ.
8 Апр.
27 Мар. 1830.

26.

Ваше Сіятельство!
Достопочтеннѣйшій Другъ!
Михаиль Владиміровичъ!

Я могъ бы и долженъ бы былъ начать мое письмо извиненіемъ въ томъ, что доселѣ не писалъ, т. е. почти полгода; по такъ какъ я начиналъ уже два письма (на сихъ же дняхъ) сего рода извиненіями и притомъ еще къ лицамъ, къ коимъ еще ни однажды не писалъ,—то право истощился уже въ выраженіяхъ и, наскучивъ этимъ самому себѣ, боюсь наскучить и Вамъ. Или же-такъ какъ Вы, не имѣя о насъ ни слуха, ни духа, вѣроятно сомнѣваетесь даже и о томъ, живы-ли мы,—могъ бы я сказать, что я въ самомъ дѣлѣ былъ не живъ или не совсѣмъ живъ, или по крайней мѣрѣ не очень живъ, и теперь какими-то судьбами ожилъ, или сталъ поживѣе, со всею прочею живущею тварію, и въ этомъ было бы хотя на крошечку правды (что я можетъ быть объясню ниже). Но я не хочу себя скрашивать, ни извинять; предаю себя на Ваше милосердіе, что хотите, то со сомною и дѣлайте! И такъ болѣе объ этомъ говорить не буду, предоставляю Вамъ побранить меня хорошенько. Между тѣмъ спѣшу поздравить Васъ съ приближающимся всерадостнымъ празд-

чникомъ Пасхи, и желаю Вамъ отъ всего сердца срътвить и проводить его во всей полнотѣ душевной радости—въ кругу родственномъ, въ нѣдрахъ родной Церкви, родной земли! Да! Сіи то три родные круга, ничѣмъ не замѣнимые необходимы для полноты радости сего праздника, которая въ нихъ только можетъ отражаться и отсвѣчиваться всеми многообразными радужными цвѣтами. И этого-то намъ недостаетъ; порадайтесь же и за насъ, а мы будемъ радоваться съ Вами!—Вы, можетъ быть, меня не понимаете, потому что Вы намъ завидуете, на вѣрно: а я Вамъ завидую! что дѣлать? Такъ и всегда бываетъ въ свѣтѣ!—Здѣшняя Пасха—протестанская—ранѣе нашей именно недѣлю, слѣд. приходится на нашей страстной недѣлѣ (на коей мы располагаемся говѣть, потому что въ другое время не бываетъ службы, кромѣ воскресныхъ дней). Но этотъ контрастъ не столь разителенъ, какъ Вы думаете. Здѣшніе праздники (хотя ихъ и всего три въ году), не исключая и Пасхи, совсѣмъ не имѣютъ той торжественности и всенародности, которая всякаго невольно увлекаетъ такъ какъ у насъ, иностранецъ можетъ ихъ не примѣтить; и причина этого различія, кажется, вотъ въ чемъ. Торжественность и благолѣпіе Богослуженія, къ коему стекаются все званія и возрасты, которое на всехъ равно производитъ впечатлѣніе,—вотъ что дѣлаетъ у насъ сей праздникъ всенароднымъ, сообщаетъ всемъ одно чувство и нѣкоторымъ образомъ уравниваетъ всехъ; и вотъ чего именно не достааетъ здѣсь: большой части народа и въ голову не приходитъ итти въ церковь, и так. обр. теряется религіозный характеръ того праздника, который только въ религіи и имѣетъ свое основаніе; свѣтскія увеселенія столь различны для различныхъ званій, что тутъ весьма мало можетъ быть общаго; такъ теряется и народность праздника. Но я заговорился, пора о чемъ-нибудь другомъ. Смотрю на Ваше письмо и вижу, что Вы предполагаете у насъ непрестанныя новости: и такъ новостей, новостей Вы конечно отъ меня ожидаете, и особенно политическихъ: а я—увы и ахъ! долженъ писать почти тоже, что изъ Петербурга писать. Газеты мы конечно читаемъ, всякаго рода: но вѣдь и для здѣшнихъ газетъ, чтобъ наполнить ихъ новостями, не валяются же царства и не рождаются новыя, а если это случится, такъ конечно упомянуть объ этомъ и русскія газеты. Однако по-

стараюсь сказать хотя въ общихъ чертахъ, что содержатъ здѣшнія газеты. Во 1-хъ, въ большомъ кораблѣ должно быть много и балласту—такъ и въ здѣшнихъ многословныхъ газетахъ. Далѣе, во всѣхъ газетахъ всѣхъ земель доселѣ ужасной былъ крикъ и шумъ о Россіи, о войнѣ турецкой, о мирѣ Адрианопольскомъ. При всемъ безкорыстїи Россіи и монарха ея въ семь дѣлъ газетеры извѣстныхъ партій въ Англіи и Франціи вопяли тутъ однакоже противъ чего—то, толковали объ опасности отъ могущества Россіи и пр. и пр. Напротивъ стояли горой за Россію всѣ газеты и журналы нѣмецкіе, нѣкоторые французскіе и даже англійскіе. Ну, чтожь изъ всего этого? Журналы остались всякой съ своимъ умомъ или глупостью, а Россія при своемъ вѣковомъ могуществѣ—она себѣ идетъ впередъ и ничего не примѣчаетъ! Кромѣ газетъ пустились теперь писать объ Россіи, о послѣдней войнѣ отдѣльныя книги и книжки и т. п. Сколько ни бились, а наконецъ таки согласились, что съ Россіей нечего дѣлать, что это великанъ на твердой землѣ, и только на морѣ имѣетъ перевѣсъ Англія. Всѣ также вообще отдають справедливость личному великодушїю Николая; случается читать оды въ честь Ему; такую оду написалъ даже король баварскій (коей впрочемъ я не читалъ). Далѣе: повторяется на разныя манеры одно и тоже о борьбѣ оппозиціи съ министерствомъ во Франціи, которая теперь доходитъ до кризиса; Палата депутатовъ отвергла бюджетъ и въ рѣчи самому королю объявила о своемъ неудовольствїи на министерство, король въ своей рѣчи объявилъ напротивъ, что онъ остается твердъ въ своихъ прежнихъ мѣрахъ, въ слѣдствіе чего ожидаютъ упраздненія (*Auflosung*) нынѣшней палаты и созванія новой; между тѣмъ та и другая сторона хвалится, ободряетъ себя, и пр. Въ Англіи, какъ и всегда, рѣчь идетъ о засѣданїяхъ Парламента и въ сихъ особенно объ остъ-индской торговлѣ; въ Нидерландахъ палаты разсматриваютъ новое законодательство—и когда какой членъ онаго, можно все это подробно находить въ газетахъ. Въ Швеціи недавно окончился съѣздъ государственныхъ чиновъ (*Reichstag*), на коемъ дѣлалось то и то, чего нельзя Вамъ рассказать, да и не много было-бы для Васъ интереса въ эгомъ. Но важнѣйшее теперь, по крайней мѣрѣ для насъ, составляютъ дѣла Греціи. И объ этомъ также, какъ о всемъ прочемъ, толкутъ и въось и

впрямь. Одни пишутъ, напр. что президентъ ¹⁾ съ неудовольствіемъ видитъ назначеніе Леопольда ²⁾ на престоль греческій и употребляетъ разные происки и тайныя мѣры, чтобы этому воспрепятствовать, что С.-Петербургскій кабинетъ согласенъ съ нимъ; другіе напротивъ (что кажется достоверно) увѣряютъ, что президентъ самъ ничего иного не желаетъ, какъ прибытія новаго государя; сіе послѣднее весьма ясно выражается въ письмѣ Булгаріи ³⁾, его приближеннаго, къ нашему министру Нессельроде ⁴⁾ (помѣщенномъ въ здѣшнихъ газетахъ), въ коемъ онъ сообщаетъ мысли графа Каподистрія, что „Греціи необходимо теперь не иное Правленіе, какъ Монархическое для ея усмирения, и притомъ не конституціонное; что Монархъ только можетъ обуздать буйныхъ аристократовъ, кои притѣсняють народъ и съ коими бороться президентъ не имѣетъ силы, что народъ напротивъ съ радостію приметъ Монарха“, и пр. Между тѣмъ въ Англіи доселѣ еще спорятъ, кажется, о назначеніи предѣловъ Греціи. Ну, не желаете ли Вы еще заглянуть въ Америку?—Нѣтъ, воля Ваша, далеко! Не поѣду!

А не угодно-ли воротиться въ Россію? Мы узнаемъ и о русскихъ новостяхъ изъ Сѣверной Пчелы, коя долетаетъ къ намъ тѣмъ или другимъ путемъ, напр. чрезъ Захара Петровича, кой ее выписываетъ. Кромѣ того, въ здѣшнія газеты также выписываютъ оттуда все замѣчательное; мы знаемъ напр. изъ нихъ, что въ Ярославлѣ новый губернаторъ, даже что ректоръ Іоаннъ получилъ орденъ, и т. п. изъ здѣшнихъ газетъ. Недавно писалъ къ намъ нашъ М. А. Балутьянскій, что на лѣто поѣдетъ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій въ Карлсбадъ на минеральныя воды, и вѣроятно будетъ проѣзжать чрезъ Берлинъ. О какъ мы будемъ рады увидѣть его здѣсь!—Онъ былъ боленъ и видно очень боленъ, и теперь

¹⁾ Графъ Іоаннъ Каподистрія—русскій и греческій государственный дѣятель († 1831).

²⁾ Принцъ Саксенъ-Кобургскій (1790—1865), вносль дѣйствию король бельгійскій (съ 1831 г.).

³⁾ Булгаріисъ Дмитрій—выдающіися греческій политическій дѣятель, принимавшій участіе въ низверженіи Каподистрія въ Афинахъ въ 1878 г.

⁴⁾ Графъ Карлъ Васильевичъ (1780—1862), русъ государ дѣятель. Въ описываемое время онъ состоялъ министромъ иностранныхъ дѣлъ

чувствуетъ необходимость поправить свое здоровье—да! безъ необходимости онъ вѣрно бы не поѣхалъ, имѣя столь много дѣла на рукахъ и занимаясь имъ съ такою ревностью. Кстати: чуть было не забылъ сказать, что мы были однажды—тому уже съ мѣсяць—у Гумбольдта ¹⁾, коему мы рекомендованы Михайломъ Михайловичемъ и онъ то извѣстилъ насъ о болѣзни сего послѣдняго (когого онъ называетъ своимъ другомъ): ему писать о немъ Канкринъ ²⁾, изъ С.-Петербурга. Впрочемъ мы сидѣли у него всего съ полчаса; когда пришли, онъ вынесъ одну плитку чаю (такъ назыв.), который употребляютъ Киргизы, составляя оный изъ плохого чаю, масла, соли и пр. и который онъ привезъ съ собою изъ Сибири. Говорилъ между прочимъ о греческомъ языкѣ у насъ въ училищахъ: онъ замѣтилъ, что его плохо знаютъ въ гимназіяхъ, но слышалъ, что онъ болѣе въ силѣ въ духовныхъ училищахъ, и по этому поводу говорилъ вообще о духовномъ образованіи въ Россіи, и пр. Онъ обучается русскому языку, прежде ходилъ къ нему для сего одинъ студентъ изъ Лѣснаго Института, теперь онъ предложилъ обучать его одному изъ моихъ товарищей, кой рекомендованъ ему въ Петербургъ однимъ учителемъ, обучавшимъ его также русскому языку. Чтобы еще сказать объ насъ?—Теперь у насъ праздное время, одинъ семестръ кончился въ концѣ марта, другой начнется въ началѣ апрѣля. Мы можемъ гулять сколько угодно, впрочемъ здѣшняя погода доселѣ не очень благопріятствуетъ гулянью: посудите: снѣгъ стаялъ еще въ началѣ марта (по здѣшнему стилю), но доселѣ еще не увидите вы ни одного листочка, ни травинки зеленой; такъ медленно идетъ здѣсь весна: то дождь, то сильный вѣтръ гоняетъ гуляющихъ. Зима была здѣсь ни чѣмъ почти не милостивѣе для насъ, какъ и на Русѣ, а въ нѣкоторомъ отношеніи еще скучнѣе: морозы доходили до 20-ти град., а комнаты между тѣмъ обыкновенно съ однимъ оконницемъ (только въ рѣдкихъ домахъ двойныя), я же поселился на бѣду въ угловую комнату съ тремя окнами, и такъ доходило до того, что нужно было топить по три раза въ день (!!!) и

¹⁾ А. Ф. А. Гумбольдтъ—знаменитый естествовѣдъ (1769—1859).

²⁾ Графъ Егоръ Францевичъ (1774—1845), въ описываемое время состоявшій министромъ финансовъ.

за каждый разъ 2 гроша (24 копѣйки). Отъ того-то я и былъ полуживъ.

Къ 1-му марта перемѣнилъ я квартиру по разнымъ причинамъ (такъ какъ и всѣ почти мои товарищи около того же времени), переѣхалъ въ Sommerwohnung или на дачу, если угодно, то есть, по далѣе отъ центра и многолюдства, гдѣ воздухъ свѣжѣе и открытѣе. — Предъ симъ только я прочиталъ въ берлинскихъ газетахъ о неожиданномъ посѣщеніи Государемъ Москвы и радости жителей,—о сооруженіи покойному Государю памятника въ Таганрогѣ и пр. Сообщаютъ также нѣкоторые анекдоты о Государѣ, изъ коихъ заключаютъ о близости Его къ народу (Popularität). Но возвратимся назадъ въ Берлинъ. Кажется я не писалъ еще Вамъ ни слова объ Университетѣ и профессорахъ. Во главу угла поставляютъ (по крайней мѣрѣ многіе) *Гегеля* ¹⁾, сѣдого патріарха той философіи, кою называютъ здѣсь die neueste, die welthistorische, die Hegelische Philosophie. Въ тайны сей философіи я доселѣ еще не пускался, знаю только то, по отзывамъ людей, даже уважающихъ его, что характеръ оной есть самый рѣшительный догматизмъ, такъ какъ характеръ его самого—самоувѣренность, по коей онъ почитаетъ свою систему за лучшую изъ всѣхъ существовавшихъ. И слушалъ его однажды—впрочемъ преподаваніе его не имѣетъ ничего привлекательнаго, нѣтъ въ немъ никакой жизни—это чисто механическое чтеніе по листикамъ, прерываемое кашлемъ, и слабостію голоса—онъ уже старъ и слабъ. Болѣе судить не могу. Другое свѣтило Университета въ другомъ отношеніи — есть *Савини*, столь же знаменитый въ Правовѣд. особенно въ Римскомъ Правѣ и составляющій опору сего факультета. Характеръ его сочиненій есть ясность (чего конечно требуетъ и самый предметъ), такъ какъ перваго—темнота. По богословскому факультету славятся здѣсь *Неандеръ* ²⁾ и *Шлейермахеръ* ³⁾. Первый извѣстенъ и у васъ по своей Исторіи Церкви. Богословъ, имѣющій мало *origi-*

¹⁾ Георгъ-Вильгельмъ-Фридрихъ Гегель — знаменитый нѣмецкій философъ (род. 1770 г.)

²⁾ А. Неандеръ (1789—1850)—извѣстный церковный историкъ

³⁾ Ф. Э. Д. Шлейермахеръ — извѣстный нѣмецкій богословъ и философъ (1768—1834).

нальности въ системѣ, ибо—сколько я могу судить—въ древнемъ духѣ отцовъ, съ древнимъ разумѣніемъ св. Писанія; и кажется, этотъ духъ христіанскій отражается въ его характерѣ; онъ такъ простъ въ своей наружности, такъ просто и даже бѣдно одѣвается, что никто не почелъ-бы его за профессора,—и это тѣмъ замѣтнѣе здѣсь, гдѣ всякой почитаетъ за необходимый долгъ—одѣваться чисто. *Шлейермахеръ* болѣе оригиналенъ въ своей системѣ, въ коей (такъ какъ и въ проповѣдяхъ его) болѣе философіи и учености, нежели простой вѣры,—впрочемъ сколь далеко онъ уклоняется отъ сей послѣдней, опредѣлить не осмѣливаюсь,—я мало еще знаю его. Славится также *Риттеръ*, образовавшій въ новомъ видѣ физическую географію, по слѣдамъ Гумбольдта, т. е. обогатившій ея новыми обширнѣйшими соображеніями и сообщившій ей систематическую форму; мы слушали у него въ этомъ семестрѣ *Allgem. Erdkunde*, въ коей впрочемъ частнѣйшее не могло имѣть мѣста, а только общія обзоренія частей свѣта. Да чему же мы учились? спросите Вы при этомъ случаѣ. Я уже именовалъ предметы въ первомъ письмѣ: теперь только осталось бы мнѣ сказать о томъ же въ прошедшемъ времени. Но къ этому я еще прибавлю нѣсколько словъ. Главнымъ предметомъ было, такъ какъ и будетъ еще въ слѣдующій семестръ, Римское Право; о немъ могу сказать, что оно хотя не имѣетъ почти никакого непосредственнаго отношенія къ нашимъ законамъ, но имѣетъ важное вліяніе на образованіе юридическихъ понятій вообще, въ чемъ я также убѣжденъ,—это юридическая Логика или Геометрія. Энциклопедія составляла родъ введенія во всѣ юридическія науки,—и такъ ея отношеніе само по себѣ ясно. Другіе предметы суть только вспомогательные, хотя можетъ быть и очень издалека вспомогающіе; напр., Химія—это было собственно желаніе Михаила Михайловича, чтобы мы ей учились, но сказать правду, при той полнотѣ и подробности, въ какой ее преподавали, при чрезвычайномъ разнообразіи и множествѣ фактовъ, въ конхъ и состоитъ существо ея, и вмѣстѣ при сжатости времени, и даже недостаткѣ вниманія для предмета совсѣмъ отличнаго рода отъ всѣхъ другихъ,—мы успѣли схватить развѣ только общее, а весьма мало частнаго. Притомъ же это всегда казалось намъ болѣе роскошью, нежели потребностью при на-

шемъ образованіи. Вообще касательно плана нашего образованія здѣсь, могъ бы я очень многое замѣтить, но удерживаюсь на сей разъ. Главный недостатокъ тотъ, что насъ передали безусловно въ чужія руки, такимъ людямъ, кои хотя весьма свѣдуши въ своемъ дѣлѣ и въ своемъ кругу, но не могутъ хорошо знать, что надобно изъ насъ сдѣлать и какъ, и прилагаютъ къ намъ начала, кои годятся вообще для здѣшняго порядка вещей. А мы не имѣемъ при этомъ почти никакого голоса.—Предметы на слѣдующій семестръ назначены будутъ также профес. Савиньи. Я упомянулъ Вамъ только о двухъ, трехъ болѣе извѣстныхъ лицахъ, но всѣхъ учащихъ здѣсь болѣе 100 чел. И такъ не только назвать ихъ невозможно (да и не нужно), но и выбрать изъ нихъ трудно.—О студентахъ Университета и о Берлинѣ вообще я не говорилъ еще ничего; впрочемъ если что могу сказать объ этомъ (конечно ничего важнаго), то позвольте мнѣ оставить до другого времени, а за сямъ ожидать — долго-ли, коротко-ли—и отъ Васъ извѣстія о вашихъ или о нашихъ родныхъ новостахъ; и при семъ прошу Васъ упоминать о нихъ не мимоходомъ, какъ Вы то сдѣлали въ послѣднемъ письмѣ, предполагая за извѣстное то, что мнѣ совсѣмъ неизвѣстно—а наконецъ всего и паче всего—сохранить Вашу дружбу ко мнѣ и не забывать истинно Васъ почитающаго и любящаго

покорнѣйшаго слугу

Василія Знаменскаго.

27.

Любезнѣйшій другъ,

Михайло Владиміровичъ!

Какъ справедливы были ваши предположенія на щеть мыслей и чувствъ моихъ относительно васъ! Да! милый другъ! Я думалъ, что или вы сдѣлались жертвою (и теперь пишу трепещущею отъ ужаса рукою) холеры съ толикою жестокостію свирѣпствовавшей въ новоизбранномъ мѣсто-пробываніи вашемъ, или забыли меня и перемѣну жительства употребили средствомъ сокрыться отъ меня. Всякой разъ, когда я читалъ изчисленіе несчастныхъ жертвъ эпидеміи, дѣлаемое въ Сѣверной Ичелѣ на основаніи Московскихъ Вѣдомостей, я говорилъ самъ въ себѣ: „ахъ! живъ-ли

то любезнѣйшій Михайло Владиміровичъ? не подвергся ли и онъ сему бичу гнѣва Божія?“ Судите же, милый другъ! о томъ удовольствіи, когда я получилъ письмо ваше, о томъ восторгѣ, который родился въ колебавшейся нерѣшимостію души моеѣ при чтеніи первыхъ строкъ вашего письма: я тысячу разъ его читалъ, перечитывалъ, снова начиналъ читать и—рѣшился въ тотъ же разъ время, которое хотѣлъ я раздѣлить съ однимъ изъ петербургскихъ моихъ друзей, посвятить на писаніе отвѣтственнаго письма къ моему другу, который и, милостію Божіею, живъ, и не забылъ меня.

Прежде всего спѣшу поздравить васъ и всѣхъ вашихъ съ наступающимъ новымъ годомъ: отъ глубины души моеѣ желаю и молю Положившаго во Своей десницѣ времена и лѣта, чтобы страшнаго человѣковъ нещадная холера, какъ призракъ, исчезла съ лица Москвы и вселенной. Мы защищены отъ сей Ериніи хлоромъ, который готовится въ собственной университетской лабораторіи студентами физико-математическаго факультета, подъ надзоромъ профессора и которымъ служитель двукратно въ день (по крайней мѣрѣ, прежде; ибо нынѣ опасность уменьшилась) въ 12 часовъ утра и въ 9-ть вечера, когда студенты уходятъ къ столу, кропитъ комнаты, легтемъ, разставленнымъ по коридорамъ въ плочечкахъ и маленькими ковричками, разсланными у студенческихъ кроватей, дабы вставая съ постели и становясь на полъ не простудить ногъ; подѣланы намъ флапелевыя брони, т. е. нагрудники или, лучше сказать, набушники, для держанія въ теплѣ желудка, противъ котораго холера, какъ русскіи солдатъ съ троуграннымъ штыкомъ, особенно говорятъ устремляется; роздано по двѣ пары носковъ и наконецъ намъ студентамъ правовѣдѣнія, такъ какъ мы должны каждадневно ходить въ канцелярію, куплены калоши; но не думайте, чтобы мы уповали токмо на средства предусмотрительности человѣческой, часто испытывающей тщету самыхъ лучшихъ и обдуманыхъ мѣръ предосторожности: иѣтъ! мы предпосылаемъ и молитвы къ Карателю грѣха, дабы онѣ, соединенныя въ единъ сонмъ, отвратили отъ насъ погубляющаго лютаго аггела. Каждую литургію благоговѣнный священникъ предъ престоломъ Вышняго возноситъ къ Нему молитвы наши (изложенныя

Архіепископомъ Казанскимъ Филаретомъ ¹⁾ въ сочиненномъ имъ послучаю сей болѣзни молебнѣ) и каждую литургію мы повергаясь на колѣна изливаемъ по гласу священника молитвенныя чувства наши: вотъ, любезный другъ! всеоружіе наше, которымъ мы ополчены противу лютой посланницы смерти! По сему образчику нашего защищенія судите и о мѣрахъ предосторожности принятыхъ и прочими жителями Петербурга; каждый запасся хлоромъ, каждый старается теплѣе одѣваться; каждый по мѣрѣ благочестія и вѣры обращается съ молитвою къ Богу. Не стану писать вамъ общественныхъ мѣръ принимаемыхъ Правительствомъ противу холеры, какъ то о больницахъ; ибо это, я думаю, извѣстно вамъ частію изъ Сѣверной Пчелы, частію изъ другихъ журналовъ. Равно не знаю, что написать и о политическихъ новостяхъ; ибо и мы жители Петербурга, ограничиваясь почти одними журналами, едва-ли преимуществуемъ въ знаніи политическихъ новостей предъ вами жителями Москвы. Я думаю, слышали, какъ, при объявленіи гнусной измѣны поляковъ ²⁾ Государемъ Императоромъ на разводѣ, генералы, до глубины души тронутые печальными словами Его, бросились въ восторгѣ лобызать Его руки и ноги, какъ воспламененные ряды бывшего на разводѣ воинства громогласнымъ ура трясли своды манежа (мѣсто развода); какъ Государь Императоръ, возвратившись во дворецъ, изъявилъ предъ супругою Своею Свое высочайшее удовольствіе, сказавъ: „нынѣшній день есть счастливѣйшій въ моей жизни“; какъ потомъ съ Императрицею прогуливался по Невскому проспекту, увѣренный въ любви своихъ подданныхъ, какъ отецъ въ кругу семейства; читали, безъ сомнѣнія, манифесты и воззваніе къ народу и. в. П-скому; читали, я думаю, и подробное объясненіе польскаго мятежа, послѣдовавшее, говорятъ, въ стѣдствіе представленія Императору Любецкаго и Езерскаго ³⁾ и писанное будто бы самимъ Высоцкимъ ⁴⁾, самымъ буйнымъ изъ мятежниковъ; знаете, думаю, и о во-

1) Филаретъ Амфиатровъ, сконч. митрополитомъ киевскимъ въ 1857 г.

2) Рѣчь о революціи, вспыхнувшей въ Варшавѣ въ ночь съ 17-го на 18-е ноября 1830 г.

3) Польскій дворянинъ.

4) Иосифъ Высоцкій, польскій генераль.

оруженіи Польши, состоящемъ изъ 140 тысячъ, знаете и о многочисленности нашего войска, двинувшагося къ предѣламъ Польши, въ коемъ заключаются и моихъ два двоюродныхъ брата, изъ коихъ одинъ состоитъ въ сибирскомъ гренадерскомъ полку, а другой у Принца Пруссаго въ поселенныхъ ротахъ. Достигъ конечно до васъ слухъ, что Императоръ скоро самъ отправится къ предѣламъ Польши и будетъ имѣть главную квартиру въ Вильнѣ и пр. и пр.

О Берлинцахъ скажу вамъ, что они живутъ хорошо и весело. Мы неоднократно получали отъ нихъ письма и сами неоднократно посылали къ нимъ. По послѣднему письму извѣщаютъ насъ о путешествіи, которое они совершали въ каникулярные дни городахъ въ двадцати нѣмецкихъ и всѣ въ различныхъ; только одинъ Константинъ Алексѣевичъ ¹⁾ за болѣзнію оставался дома. За то имѣлъ удовольствіе видѣться съ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ, который въ то время возвращался изъ Карлсбада, куда ѣздили онъ пользоваться теплыми водами для поправленія своего здоровья; при чемъ сказалъ, что они скоро возвратятся изъ путешествія. А мы должны будемъ ѣхать на ихъ мѣсто, какъ мы это рѣшительно узнали отъ Михаила Михайловича; занятія наши приходятъ къ окончанію или, лучше, кончились; ибо по одному Гражданскому Праву остается только нѣсколько не пройденнымъ. Вѣроятно экзаменъ нашъ начнется въ февралѣ мѣсяцѣ, я говорю, вѣроятно; ибо Михаилъ Михайловичъ выразился о терминѣ нашего курса нѣсколько неопредѣленно, сказавъ, что „обдосужась, мы сдѣлаемъ вамъ экзаменъ“; впрочемъ дополняя это сказаніе изъ словъ начальника нашего отдѣленія, что экзаменъ нашъ не можетъ быть въ іенварѣ, а долженъ начаться въ февралѣ, мы удостоверяемся, что онъ долженъ быть въ сіе время, а посему опредѣляемъ время нашего свиданія съ родственниками и время для отъѣзда въ вояжъ, т. е. февраль на экзаменъ, мартъ на свиданіе, апрѣль на путешествіе. Между прочимъ Михаилъ Михайловичъ сказалъ намъ о нашихъ предшественникахъ, что они изъ числа 500 студентовъ Берлинскаго Университета суть первые, какъ отзывается о нихъ

1) Неволинъ.

самъ Савиньи, знаменитѣйшій во всей Европѣ профессоръ Юриспруденціи, что они весьма прилѣжны и пр.

Въ заключеніе прошу васъ извѣщать меня о новостяхъ Московскаго Университета, о новыхъ произведеніяхъ, усовершенствованіяхъ и пр. За тѣмъ остаюсь

сердечно преданный вамъ И. Платоновъ.

Санктпетербургъ.
1830 г. дек. 26 д.

В. Протопоповъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
